

ЧТО ЕСТЬ ЭКОНОМИКА ВООБЩЕ И ЧТО ОНА ЕСТЬ СЕГОДНЯ

Юрий Михайлович Осипов *

Apstrakt: U radu se s aspekta filozofije privrede, na netradicionalan način, objašnjava razlika između privrede kao životne djelatnosti čovjeka i ekonomike kao njenog pojedinačnog slučaja, i to kroz prizmu statike i dinamike i posebno novca kao dominantnog principa. Elaboracijom odnosa ekonomskog i neekonomskog, “ekonomske odozgo” i “ekonomske odozdo” afirmiše se institut ekonomskih sloboda, koji se u praksi narušava dominacijom politike nad ekonomijom. U tim odnosima, odlučujuću ulogu (u pojedinim postsocijalističkim državama kojoj pripada i Rusija) imaju ešaloni vlasti, koji realizuju “ekonomiku odozgo”. “Ekonomika odozgo” ne služi “ekonomici odozdo”, kako se to pričinjava postsocijalističkim liberalima – tržišnicima, nego “oni dolje” sa žanosom servisiraju vrh, kako to već dobro znaju dirigenti-globalisti. Mora se imati u vidu da ekonomika nije samo privreda, nego i kontrola nad privredom kao specifičan institut koji omogućuje njenu upravljivost.

Ključne riječi: ekonomika, novac, cijena, vlast.

Abstract: In this article from the aspect of the economic's philosophy, on untraditional way, is demonstrated difference between economy as human life's activity and economic as its separate case, and all that from the prism of static and dynamic and especially money as dominant principle. By elaboration relations of economic and non economic, “economic from above” and “economic from below”, it is becoming known institute of economic freedoms, which is being disorganized in practice with domination policy over economy. In those relations, decisive role (in some post socialist states where as well Russia belongs) has government echelons, which realize “economic from above”. “Economic from above” do not serve to “economic from below”, how post social liberals- marketers see that, but “those below” with enthusiasm support “crown”, how it is well known to bandmaster –globalist. It must be considered that economic is not economy, but control under economy as specific institute which enable its governability.

Key words: economy, money, price, power.

(UDC: 330.1; JEL classification: A 10, P 00; Original scientific paper; Received: April 04, 2005)

Вот уже десятилетие, как я пытаюсь ввести в научный обиход различение «экономики» и «хозяйства», толкуя хозяйство как саму жизнедеятельность человека, а экономику — как частный случай последней. Когда мы понимаем под экономикой особого рода организацию человеческого хозяйства, восходящую к социальному разделению хозяй-

ства, обмену деятельностью, сравнительным оценкам всего и вся, необходимым для совершения обменного процесса, используемому деньги как средство всеобщего обмена, но так же и как главное условие и приоритетную цель хозяйствования, то экономика начинает обрастать необходимой онтологической ясностью, не мешая в то же время познающему субъекту проникать в содержимое того, что она, безусловно, представляет, но чем в полном объеме никак не является, т. е. в содержимое хозяйства. Экономика — надстройка над хозяйством вообще, и поскольку эта надстройка располагается не вне хозяйства, а в самом хозяйстве, т. е. это хозяйственная надстройка (лучше сказать, пожалуй, не надстройка, а суперструктура), то экономика есть не что иное, как особенное хозяйство, однако никогда и ни при каких усло-

* Доктор экон. наук, профессор Экономического факультета МГУ, Вице-президент Академии гуманитарных наук, действительный член Российской академии естественных наук, действительный и почетный член ряда отечественных и зарубежных академий, директор Центра общественных наук при МГУ, заслуженный деятель науки Российской Федерации, главный редактор журнала «Философия хозяйства». Автор 13 монографий, сотен статей. Руководитель авторских коллективов и главный редактор десятков коллективных монографий.

виях полностью хозяйство вообще — как вообще жизнедеятельность человека — не покрывающая. В самой что ни на есть экономической хозяйственной реальности многое, — и как выясняется — очень многое, если не основное и главное, — экономическим вовсе не является (разве все вокруг в жизни можно свести к товарному обмену и содействию денег: многое, если не основное, в той же личной жизни, в жизни дома и семьи, в реализации учебного заведения, больницы, конструкторского бюро, заводского цеха, любого управленческого аппарата и т. д.? — при желании ведь нетрудно убедиться, что большая часть хозяйственной жизни не относится напрямую к экономической организации, хотя в условиях развитой экономики этой организацией повсеместно и опосредствуется). Но несмотря на все мои попытки, ученое сообщество, за редким, правда, исключением, упорно отказывается принять предложенное мною различие «экономики» и «хозяйства», продолжая настаивать на всего лишь синонимичности двух терминов, не замечая даже и того факта, что в ряде случаев слово «экономика» вообще недопустимо к использованию: разве можно сказать, к примеру, «поэтическая экономика Пушкина», а вот В. Ходасевич позволил себе написать книгу «Поэтическое хозяйство Пушкина» — и, как видим, ничего, все здесь спокойно сошлось, ибо хозяйство и есть сама жизнь человека во всех ее проявлениях и действиях, а вот экономика — с ее сухим экономическим расчетом — всего лишь часть жизнедеятельности человека, точнее, особый способ ее организации. Я постоянно привожу следующий довод в пользу различия «экономики» и «хозяйства»: сказать «экономика Бога» нельзя, а вот «хозяйство Бога» — можно!, — ибо хозяйству совсем не чуждо творение, а вот экономике..? Наука вроде бы любит доводы, а вот с подобными аргументами почему-то научное сообщество не считается (какая-то экономика реализуется, к примеру, на тех же лекциях в университете, а вот самый обыкновенный хозяйственный процесс в это время идет — производство знания?; или какая же экономика реализуется на заседании ученого совета, хотя действие здесь абсолютно хозяйственное — обмен информацией и мнениями, выработка решений, производство восклицаний и умолчаний..?).

Экономика — по-особому организованное хозяйство, однако, это всего лишь часть хозяйства вообще, его момент.

Понимая экономику именно таким образом, т. е. не как хозяйство вообще, а как лишь особый способ его организации, легко заключить, что главным действующим лицом в экономике является экономический субъект, способный принимать экономические решения, а главным благом для такого субъекта является особого рода благо — экономический эффект. Продолжив размышления, нетрудно убедиться, что экономический субъект, экономическое решение и экономический эффект реализуются в экономике через посредство... денег, а деньги — особого рода, — и совершенно экономическая, — субстанция, кстати, абсолютно идеальная (при этом не имеет никакого значения ни реальное воплощение денег, ни их конкретное происхождение). Экономическим субъектом является хозяйственный агент, действующий на основе и с помощью денег; экономическим решением является хозяйственное решение, обусловленное деньгами; экономический эффект — денежный эффект. Есть деньги, есть все экономическое, как есть и остальное хозяйственное, коли господствует экономика, нет денег — ничего нет, а если и есть, то только уже неэкономическое. Когда тот или иной хозяйственный агент делает что-то неденежное (не обусловленное деньгами, их движением), то он совершает нечто просто хозяйственное, часто вообще технологическое, и делая это, он не является в этот момент экономическим субъектом — это-то как раз очень важно понять, тем более, что всего неденежного ему придется совершать иной раз гораздо более, чем денежного. Ощущение какой-нибудь жизненной потребности — явление хозяйственное, а вот удовлетворение этой потребности через посредство денег — акт уже экономический. Можно сколько угодно ощущать голод, но погасить его в рамках экономики можно только с помощью денег.

Но дело здесь не в одной посреднической роли денег. Все гораздо сложнее. Деньги в экономике — не просто посредник, это еще и всего начало и всего же конец, с денег все хозяйственное начинается, деньгами же и завершается (либо с возвратом авансированных денег, либо, наоборот, с их невозвратом). Мало того, деньги не просто начинают хозяйственный процесс, они его в

прямом смысле слова запускают, причем постоянно входя в хозяйственный процесс — извне, а, пожалуй, что и сверху. Деньги бытуют в хозяйстве, но они бытуют и вне хозяйства, более того, они бытуют над хозяйством. Представление, что деньги всего лишь функция от хозяйства и вне хозяйства они лишь находятся в качестве неиспользуемого сокровища, вряд ли соответствует всей их действительности. Не отвергая вообще данного представления, за которым есть своя правда, заметим, что деньги способны не просто бывать вне хозяйства, временно его покидая, что происходит, кстати, постоянно и повсеместно, но и, что особенно важно, возникать вне хозяйства и, возникая, в это хозяйство входить в качестве необходимого ему фактора, однако не ради одной лишь посреднической — обменно-оценочной — функции, но и ради вообще ведения хозяйства, его организации, но опять же не только в интересах самого этого хозяйства, но в интересах... самих денег, как и их держателей-управителей.

Наблюдая пристально реализацию экономического хозяйства, я все более склоняюсь к субъектно-властно-волевой трактовке денег, все более отходя от общепринятой стихийно-имманентно-объективной трактовки. Да, когда-то, быть может, деньги и имели характер самовозникающего в хозяйстве вспомогательного средства, но те времена, если и были, давно канули в Лету — в развитой экономике деньги не возникают в хозяйстве, а приходят в него. И дело здесь не только в том, что деньги вполне сознательно выпускаются в свет властным экономическим центром, но и в том, что они постоянно входят в хозяйственный процесс — хоть в виде каких-либо выплат — извне и сверху. Деньги глобально кредитуют хозяйство, точнее, сообщество хозяйственных агентов, становящихся вследствие такого кредитования как, с одной стороны, экономическими субъектами, так, с другой стороны, экономическими должниками. Деньги даются извне и сверху, их внизу принимают и внутри используют, их затем возвращают. Экономическое сообщество — сообщество денежных кредиторов и денежных должников. Ничего другого и быть в экономике не может.

Деньги входят в хозяйственный мир с обозначенной ценностью (за денежную единицу) и с определенным количеством (денежных единиц). Оставляя в стороне про-

блему расчета ценности денег и их приемлемого количества, которая никаких теоретических трудностей не представляет, ибо возможный произвол здесь легко сочетается с совершенно твердыми его коррекциями, сосредоточим внимание на практическом использовании денег в реальном хозяйстве, а в реальном хозяйстве выделим самое главное — обменно-оценочный процесс.

Если есть деньги, то можно их пускать в дело, т. е. в обмен на неденьги. Однако каждый экономический, т. е. денежный, субъект встречается при этом с оценками, фиксирующими пропорции обмена. В экономической реальности всюду сплошные оценки, выраженные в тех же самых... деньгах, что то же самое — цены. Субъект встречается с ценами — миром цен. Откуда эти цены? Почему именно такие цены, а не другие? Оставляя в стороне проблему влияния на цены самих по себе денег, их текущей ценности и имеющегося количества, попробуем обрисовать механизм ценообразования в рамках уже по-особому понимаемого экономического хозяйства, когда, как мы уже отметили, деньги не возникают внутри хозяйства, а входят в него, не просто его обслуживают, а ведут, т. е. когда имеет место приоритет денег над хозяйством, когда не деньги — функция от хозяйства, а хозяйство есть функция от денег, когда не хозяйство первично по отношению к деньгам, — деньги первичны по отношению к хозяйству. Согласимся, что экономика у нас получается какая-то воистину другая, — и для такой экономики возможна какая-то иная процедура ценообразования. По размышлении можно догадаться, что речь должна пойти о вхождении извне в оцениваемое благо, которое становится в связи с этим товаром, ожидаемой этой благом-товаром оценки, а не об изъявлении (изведении) этой оценки из самого блага-товара, пусть и в сравнительных отношениях с другими имеющимися в обществе благами. Оценка блага-товара, таким образом, не выходит из блага-товара, а, наоборот, входит в него, т. е. образуется, как можно предположить, где-то вне блага-товара, хотя и в непосредственной с ним связи, ибо это оценка не чего-нибудь, а как раз самого этого блага-товара.

Оценка образуется вне блага-товара! Тогда где? — Ну хотя бы в головах людей-экономических субъектов, оперирующих деньгами и товарами, осуществляющих обмен

и... производящих оценки. Согласимся, что в головах людей — уже вне благ-товаров. А коли так, то какими же соображениями руководствуются эти самые головы, с учетом чего они делают оценки — хотя бы в основе и в первую очередь?

Опять же достаточно поразмыслив, можно заключить, что руководствуются экономические субъекты при выделке цен... опять же деньгами, а чем же еще? — правда, не столько вообще деньгами, сколько деньгами практическими, находящимися более всего в их руках, теми самыми деньгами, которые субъекты должны либо просто потратить, ожидая новых поступлений извне и сверху (в качестве того же жалованья), либо пустить в дело (в бизнес), чтобы вернуть затраченные на дело деньги с приростом — ведь без прироста денег, их, как принято говорить, самовозрастания, нет никакого интереса вообще пускать деньги в дело. Такое дело, которое есть дело сугубо экономическое, может быть разным, но оно обязательно предполагает производство экономических оценок, в частности, цен, а среди последних — цен на разного рода потребительные блага, которые непременно приобретаются всеми экономическими субъектами — что для конечного, что для промежуточного потребления, что для чисто потребительского потребления, что для производительного, что для реального потребления, что для симулятивного. И вот выясняется, что все, что, будучи по природе неденежным, выходит в сферу обмена на деньги, т. е. любые неденежные блага-товары получают вмененную цену: либо с участием затраченных на появление благ-товаров денег, или авансированных денег, ищущих своего возврата с приростом, либо без одного, если таковых затрат нет или их давление бывает несущественным (на природные ресурсы, к примеру, игровую услугу или тот же антиквариат). Ценообразование — денежная операция, операция денег, операция с деньгами. Начиная любой бизнес-процесс, он же и хозяйственный процесс, авансированные деньги предъявляют свои непереносимые требования к цене производимого на эти деньги блага, что хорошо известно из феномена издержек и их обязательного возмещения; и если таковых предварительных издержек нет, они плохо учитываются или не имеют принципиального значения, то определение продажной цены идет, так сказать, в свободных деньгах, не свя-

занных ни с какой предварительной денежно-воспроизводственной процедурой. Как, к примеру, определяется цена на землю, лес, недра, интеллектуальный продукт и т. д.? Субъективно свободно. Разумеется, что-то ограничительное обязательно учитывается, но в принципе именно так: субъективно свободно, что не мешает учесть любые ограничения, в том числе и объективные, а часто просто трактуемые как объективные. Короче, воспроизводство денег с приростом, их самовозрастание, диктует цены на производимые в обществе блага-товары, а если и не само по себе воспроизводство какой-то авансированной суммы денег, то всего-навсего производство денег из акта обмена какого-то блага-товара на деньги. Возможно ли все это? А почему нет, коли деньги — это параллельная субстанция, парящая над хозяйством и распределяющаяся по нему в соответствии с реальными и даже нереальными возможностями своего хозяйственного бытия, заметим, бытия непременно вмененного? А вменением их авансированием денег для хозяйственных дел или использованием для тех же оценок, занимаются экономические субъекты — совершенно, кстати, сознательные существа, если не попросту счетно-решающие устройства. Иное дело, что все экономические деяния, все операции с деньгами, о которых мы говорим, происходят по всему хозяйственно-экономическому пространству, что любое экономическое исчисление производят все экономические агенты сразу, а главное, агенты, взаимодействующие между собой, что любая экономическая операция всегда является операцией многих агентов, в том числе и противостоящих друг другу, что все агенты и их экономические исчисления так или иначе противоборствуют, ограничивая каждого из агентов и каждое из исчислений, что на всякого продавца должен быть покупатель, у которого уже несколько иной, даже и противоположный, экономический интерес, что многие из продавцов испытывают досадные переживания от наличия иных аналогичных же продавцов, что покупателей одного и того же блага может быть множество, а потому всегда можно рассчитывать на разную реакцию покупателей, и т. д. и т. п., — и это все говорит о том, что вменение цен во блага-товары не может быть совсем уж каким угодно, хотя способно быть порою и таковым, что есть всеобщая товарно-денежная взаимообусловленность, по-

рождающая и целесообразную взаимозависимость всех цен и денежных потоков между собой, что означает известную объективность субъективно реализуемого экономического процесса, однако объективность, исходящую от взаимодействия субъективных волей, а не от чего-либо еще, т. е. объективность, так сказать, внутри-экономическую, а не вне-экономическую, идущую либо прямо от природы, либо от неэкономических свойств хозяйственных элементов, тех же благ-товаров. И если кому-то может показаться, что экономические исчисления и намерения субъектов обусловлены лишь экономическими мотивами, то это неверно: экономическая сторона дела вполне способна учитывать неэкономическую сторону, скажем, и при определении тех же цен. Мы стараемся подчеркнуть здесь не изолированность экономического (денежного) от неэкономического (неденежного), а лишь особенность и приоритет экономического расчета относительно любого другого — в рамках экономики! Экономическое само решает, каким ему быть в своей реальной выраженности, оно не нуждается ни в каком неэкономическом начале-материале, чтобы выполнить для себя необходимое. Та же, к примеру, цена, исчисляется вполне субъективно, может учесть те же затраты на труд (не труда, а на труд — sic!), как и учесть качество блага, его редкость, окружающий его благодетельный «мираж» и т. п., но она не нуждается ни в подсчете самого по себе затраченного труда, ни в каком-то физически выраженном единообразном «количестве качества», ни в особом собственном показателе редкости, ни уж, тем более, в какой-то субстанциональной «миражности». Нет ничего неэкономического и неденежного, тем более, материального, физического, вещественного, что могло бы определить субстанциально суть и ценность экономического и денежного, не говоря уже о том, чтобы определить, так сказать, весовым образом: нет той внешней субстанции, которую можно было бы взвесить (исчислить), чтобы выразить через нее состав экономического, улавливая тем самым его содержимое, еще и по-своему измеряя. Экономическое входит в хозяйственное, снабжая его своей субстанцией, само с этой субстанцией играет, навешивая на нее и через нее свои ценностные (ценовые) ярлыки. Мир экономического самого по себе — мир экономических (денежных) чисел, цифр, а

также числовых и цифровых измерений экономическим всего неэкономического. Отсюда и «внешненность» экономических оценок относительно неэкономического, их вмененность в неэкономическое, их некая надхозяйственность.

Свобода экономического по отношению к хозяйственному не в том, что экономическое реализуется без хозяйственного, что экономика вне хозяйства, а в том, что экономическое, будучи погруженным в хозяйственное, способно само решать свои экономические вопросы, направляя своими решениями хозяйственное, делая хозяйство зависимым от экономики. Экономический мир сам по себе — совершенно идеальный мир, это мир идеальной субстанции, которую принято называть стоимостью, той самой стоимостью, которая бытует сразу в деньгах и оценках, как и в тех же капиталах и ценных бумагах, которая везде и во всем, которая исходит из отношений людей и реализуется сразу через их головы, которая вбирает, перерабатывает и распределяет экономическую и в немалой степени хозяйственную информацию, которая как раз и решает все по-экономически — через экономических субъектов, их решения и действия, их экономическое поведение. Экономический мир — мир идеальных элементов и параметров. Товар как товар — нечто идеальное, деньги как деньги — тоже, цена — тем более, а что, собственно, в экономике не идеально, какая величина, какой расчет, какое действие? Разумеется, если экономическое не путать с хозяйственным, выделяя в последнем и неэкономическую составляющую.

Да, авторучка, которой я вожу по бумаге, материальна, как и сама бумага. Даже написание материально. Ну а функция авторучки и бумаги, написанных букв, тоже материальна? А смыслы, которые выведены на свет и заключены в тексте, разве они материальны? То же самое можно сказать об авторучке, бумаге и тексте как о товарах: что в них как в товарах материального — именно как в товарах? Цена? А цена разве это вес авторучки, белизна бумаги, четкость почерка? Да нет же, все эти качества могут, конечно, влиять на цены, но все они не сами же по себе цены, которые есть всего лишь числовые обозначения... числовых величин, причем не абсолютные вовсе, а относительные, мало того, обусловленные и какими-то другими ценами, т. е. во всех отношениях они есть что-то со-

вершено идеальное. Нравится нам это или нет, но все собственно экономическое — идеально!

А раз идеально, то и объяснять это экономическое надо как идеальное, а коли так, то причем тут, к примеру, материальные свойства вещи-блага, которые, может, и влияют на денежную оценку вещи, но сами по себе материалом оценки, не говоря уже о цене, не являются? Не свойства вещи констатируют экономическую оценку, а всего лишь оценка фиксирует в себе свойства вещи, — ах, как было бы хорошо это уразуметь, чтобы не копатьсь понапрасну ради раскрытия сути ценообразования в тех же затратах труда на производство благ, которых нет и быть не может — чтобы их измерить, или в полезностях вещей, которых тоже не измерить и которых, следственно, тоже нет, или в соотношениях спроса и предложения, несоответствие которых бывает известным обычно лишь по динамике цены, да и то в неопределенной возможности, а равенство, в случае опять всего лишь стабильности цены, ничего не говорит о величине цены как таковой, т. е. не раскрывает главной обусловленности оценки!

Как не хочет ученое сообщество признавать смыслового разделения, а затем и функциональной специфики хозяйства и экономики, так не хочет оно признавать и идеальности экономического, то бишь стоимостного, денежного, оценочного, соответственно, самости и «внешненности» экономического начала, его способности к самодействию, мало того, к организации — что себя, что хозяйственного, его самостоятельной счетно-решающей возможности-функции.

Деньги и цены — разве они так уж объективны, не говоря уже об их пресловутой материальности? Они вполне субъективны и идеальны, даже и разумны, ибо за ними стоят и в них воплощаются самые что ни на есть разумные субъекты — хозяйствующие по-экономически люди. Даже если деньги имеют металлическое основание, то не золото же само по себе деньги, как и не вес золота определяет ценность денег — все как раз наоборот — решение людское делает металл деньгами, а субъективное решение центрального денежного субъекта (эмитсионера) определяет относительную ценность золота, его веса, хотя и с учетом многих объективных условий, в том числе и общего кругооборота

товарных цен. Цена прежде всего субъективное решение, а потом уже действующая величина в деньгах, испытывающая естественное влияние от других цен и ценовых решений, как и разных обстоятельств. Ценавольна, хоть и не произвольна, она же и ограничена, хотя и не жестко. Цена не от товара, а в товар, иной раз ей вообще нет дела до товара, его физических и социальных свойств. Не воспроизводство товара волнует в первую очередь цену, а воспроизводство самой себя — среди себе подобных. Однако цене нет никакого смысла отрываться от воспроизводства товара, в особенности, воспроизводящегося постоянно. Цена и не привязана жестко к воспроизводству товара, у нее есть и свой резон быть. Самостоятельность цены, ее «вышность» по отношению к оцениваемому товару, ее инаковость относительно хозяйственного характера товара, ее даже и своеволие в сравнении со многим ею же оцениваемым — замечательные свойства цены, делающие ее воистину замечательным феноменом идеального экономического мира. Чем, к примеру, определяется мировая цена на нефть: издержками с прибылью, затратами труда, полезностью, предельной полезностью, редкостью, соотношением предложения и спроса и т. д., или все-таки... субъективным решением... неважно, конкретно кого? А цены на медикаменты, на железнодорожные и театральные билеты, на голландские цветы, на строительство какого-нибудь аквапарка и его же услуги, на водку и сигареты, на жилье... может, хватит перечислять, а то так недолго и цены всех товаров перебрать, пока найдешь, вдум!, цену, соответствующую издержкам плюс прибыль, затратам труда, полезности товара, его предельной полезности, редкости, соотношению предложения со спросом и прочая, прочая, прочая (привлекаются ведь еще энергетические затраты вообще, информационные объемы, производительные эффекты, и т. д. и т. п.)? Что ж, приятно, наверное, решать неразрешимые задачки, искать, к примеру, материальную субстанцию в идеальной, т. е. нематериальной, среде, чтобы потом еще и как-то ее измерить, а измерив, предложить априорно как ту же цену товара, которая, правда, если она свободна, просто-напросто завтра и изменится, не взирая на все скрупулезные расчеты; или измерять то, что измерению вообще не подлежит; или решать сложную измерительную задачу, не обращая внимания на тот факт, что эта задача как-то

сама по себе решается — каким-то самоходом, причем иначе решаться она вообще не может. И это ведь веками, веками!..

Деньги и цены — всего лишь расчетные решения, выраженные в числах и цифрах, входящие в хозяйственное бытие, его отражающие, но и по-своему организующие, мало того, им управляющие. Если бы деньги и цены не были бы чем-то внешним по отношению к хозяйственному процессу, в него входящим, то вряд ли они обладали бы той свободой, которой обладают. Не деньги и цены ведь в рабстве у хозяйства, а как раз хозяйство в рабстве у денег. Почему же? А потому что экономический разум — не хозяйственный разум, это совсем другой разум, хотя он и по поводу хозяйства; это разум, который вне хозяйства и над ним; это разум, который способен весьма далеко отстоять от реальной хозяйственной среды — как, к примеру, разум, эмитирующий доллары, от какой-нибудь сибирской деревушки, погруженной в реальный процесс; это разум, который решает для хозяйства, но и вместо него, а решая, заставляет хозяйство осуществляться в соответствии со своими, принятыми вне и над хозяйством, решениями. Разумеется, реальное хозяйство не может не влиять на экономическую систему и ее решения, но именно влиять, а не определять. И чтобы это уразуметь, полезно принять во внимание феномен экономической власти — над тем же хозяйством, именно экономической, ибо иного рода такой вот власти, т. е. без денег и оценок, просто быть не может. Только денежная и оценочная власть, т. е. экономическая власть, способна держать хозяйство под контролем и осуществлять его в своих интересах. Для такой власти нужна единая идеальная субстанция, которая как раз есть стоимость, как нужна и способность этой субстанции проникать везде и всюду, развешивая по всему пространству различные конкретные оценки — то ли что-то объективное и онтологическое учитывающие, то ли нет, но зато хорошо учитывающие то, что называется экономическим интересом.

Экономическая власть, о которой мы говорим, кредитующая власть, а все хозяйство со всеми своими субъектами ходит у этой власти в неоплатных должниках. Деньги просто так никому не даются, цены запросто не назначаются. У всего экономического своя логика, а уж у экономической власти — тем более. Зачем же отдавать экономическое на-

чало в распоряжение реального хозяйства, когда можно, игрово распоряжаясь экономическим, реально распоряжаться хозяйством. Неужели феномены денег, капитала, банков, кредита, ссудного процента, ренты, ценных бумаг, концернов, финансовых групп, инвестиций, валютных курсов, государственных бюджетов и долгов, налогов, заработных плат и жалований, вольного ценообразования, миграции капиталов, страхования, таможенных сборов, обязательных плат, выплат и штрафов, и т. д., т. п., ни о чем таком не говорят? Да, было время, когда экономическое не слишком выделялось из хозяйственного, почти что его и обслуживая. Но это время давно прошло. Экономическое уже давно там, где и должно быть — вне и над хозяйственным, реализуясь через хозяйство, но не столько ради него, сколько ради себя. А что значит ради себя? Да очень просто: ради экономического дохода — в деньгах, за которым стоит не одно только потребление реального продукта, но и многое другое, причем не одни лишь инвестиции, а та же, к примеру, политическая власть.

Экономический доход подразделяется, как известно, на доходы, и об этих доходах много говорят: о прибылях, ссудном проценте, рентах, заработной плате, жаловании, но почему-то не говорят об экономическом доходе вообще, а ведь он тоже есть — как доход экономики от хозяйства. И доход этот по сути своей есть не что иное, как некая плата хозяйства экономике (от хозяйства к экономике), за возможность реализации и за рабство, причем осуществляемая в виде своеобразного отката — реальных денег вослед вкатываемых виртуальных (сначала в реальное хозяйство вкатываются виртуальные деньги, в том числе и в форме обычного капитала; затем эти деньги работают в рамках реального хозяйственного процесса; потом отработавшие деньги, ставшие реальными, возвращаются к их «дарителям», хоть и разными путями и в разные сроки).

Таковым, собственно, является глобальный экономический круговорот, ставший в настоящее время совершенно реальной реальностью. Этому круговороту соответствуют свои глобальные пропорции и балансы, свои потоки и оценки, свои решения. Так вот: хозяйство ныне не только не реализуется по всему миру вне этого экономического круговорота, но и не реализуется без сонма больших решений, принимаемых на самом верху

круго ворочающейся экономической махины. Тут уж в пору заговорить даже не об экономике, а о глобальной финансомике, если работающие деньги и творимые ими оценки принять за финансы, а с учетом глобального масштаба и характера финансовой деятельности не постесняться назвать финансовую сферу глобальной.

Тем самым мы подошли к существенной характеристике современной экономики. Да, это, конечно же, экономика — со всеми своими атрибутами, но это уже во многом другая экономика, которая бытует не просто вне хозяйства и над ним, а как бы и помимо хозяйства, заботясь более всего о себе самой, чем собственно о хозяйстве. Природа экономики в существе своем не изменилась, но заметно изменилась реализация экономики, причем не в одном лишь механизменном плане: экономическое начало настолько уже ушло куда-то ввысь и находится в своем центрированном бытии в каких-то почти что неведомых далях (где, скажем, теперь мировой решающий экономический центр?; откуда сейчас вываливаются на планетарный хозяйственный мир большие экономические решения, отличающиеся вполне глобальной судьбоносностью?), мало того, экономическое начало получило в высшей степени виртуализированный характер, когда возможность не только дополняет действительность, в нее переходит, а прямо-таки эту действительность собою уже замещает. Ничего невозможного нет теперь для экономики, а главное, ей уже не надо всерьез заботиться о реальном хозяйстве, о том же самом производстве благ: хозяйство и производство давно уже сами начеку, они рады услужить глобальной финансомике, дающей им необходимый живительный кислород — деньги, более того, они готовы в буквальном смысле слова содержать эти деньги, бросая все свои силы на их превращение в реальные деньги, как и на удержание этих денег в приемлемых воспроизводственных границах. Не экономика более всего заботится сейчас о деньгах — это делает ею же эксплуатируемое хозяйство, которое всячески и обеспечивает жизнеспособность виртуальной суперэкономики.

Я применяю следующий словесный образ для характеристики современной экономики: «экономики сверху» — в отличие от бывшей ранее «экономики снизу». Мы все привыкли представлять экономику как вырастающую непосредственно из производства,

путая вот уже не одно столетие производство благ и экономику. Но не производство благ делает экономику экономикой, а лишь особая организация производства благ, а лучше сказать, жизни, делает хозяйство — а не одно лишь производство — экономическим, причем такая организация, при котором основным реперным (опорно-ориентационным) благом становится особое благо, или благо из благ, всем благам благо, а именно деньги (ранее и повсеместно — золото), т. е. собственно экономическое благо. И наука почему-то меньше всего обращала, да и обращает, внимание на производство именно этого блага, но не в аспекте его выпуска в свет, а в аспекте его главной роли в экономическом производстве, занятом не столько производством благ, даже и не производством денег, а производством экономического эффекта.

Экономический субъект — экономические решения — экономический эффект!

Вот это действительно главное для экономики, а не товар, сами по себе деньги, труд и его затраты, потребности и полезности, предложения и спросы, редкости и воспроизводимости, всякого рода предельности, как и многое другое, чем забита до краев экономическая теория, давно уже пребывающая в концептуальных конвульсиях от неразрешимых головоломок. Субъект — решение — эффект! Вот вам и клеточка экономики, в которой есть сразу все необходимое: голова (сознание), действие головы (вовсе не такое уж произвольное), результат. И почему же эту несчастную голову, действующую вполне разумно и эффективно с незапамятных времен без всякой экономической теории, забывать разными не имеющими прямого отношения к реальности интеллектуальными фантазиями? Разве цены не назначаются субъектами и не назначаются в полной мере субъективно?; разве цены не произвольны, как и разве они как-то не определены?; разве цены не воздействуют на цены, как и одна цена не входит в другую цену?; разве цены не взаимообусловлены и разве они рождаются вне всякой связи с другими ценами?; разве цены «выходят» из благ, а не «входят» в них, учитывая, естественно, разные физические и социальные параметры благ?; разве цены не обязаны в первую очередь воспроизводству стоимости, а потому уже воспроизводству всего остального?; разве цены не являются экономическим решением и не сопряжены с экономическим эффектом?; разве можно на

все в мире товары навесить цены из одного центра?; разве можно удерживать цены на одном и том же уровне длительное время?; разве может экономический агент не стремиться к росту цен, что является способом регулируемого бытия всего экономического, его приспособления к изменяющимся обстоятельствам, его выживания (и это без всяких изменений в затратах труда и полезностях)? Такие вопросы можно множить и множить, если, конечно, не обратить свой взор на действительную природу экономического, самой экономики, всех ее элементов, а природа эта субъектно-идеальная, и никакой другой она быть не может. Соответственно, и игра цен, как и любых иных экономических параметров, субъектно-идеальная, что не значит вовсе, что она абсолютно оторвана от реальности, ибо игра-то ведется с реальностью, причем хозяйственной.

Экономика, конечно, в хозяйстве, но она и вне хозяйства. И вот это-то вне чрезвычайно важно. У экономики своя, если можно так выразиться, материя, она все делает по-своему и в своих интересах, что не мешает ей так или иначе учитывать потребности хозяйства, его чаяния и ограничения. Экономика не просто вне хозяйства, но и над ним. И так было всегда, правда, долгое время, этот факт не особенно бросался в глаза — экономика основательно сидела в реальном производстве благ, выступая всего более, если не прямо в служебной роли относительно хозяйства, то хотя бы в роли непосредственного его участника. Но время шло, экономика все более выходила из сферы реального хозяйства и производства, становясь все более «овнешненной», чистой и на себя замкнутой экономикой. Пришел и момент, когда такое положение экономики, — относительно, во-первых, хозяйства вообще, во-вторых, производства благ, в-третьих, самой себя, — не замечать уже было невозможно. Этот момент отличался и воцарением особенно больших экономических субъектов с особенно большими экономическими решениями и с особенно большими экономическими эффектами, соответственно, с большими объемами, большими потоками, большими структурами. А большое на то и большое, чтобы не только не быть малым, но и вести экономическое хозяйство неким большим способом, воздействуя на большие параметры, оперируя с большими величинами, достигая больших результатов. А все эти «большинства» — не

одно лишь количество, но и особое качество — новое качество. Какое же?

Здесь я использую понятие организации самоорганизации, что означает, что самоорганизация хозяйства и экономики, или то, что происходит в них как бы само по себе, без прямого управленческого воздействия откуда бы то ни было, во всяком случае, такое либо отсутствует совсем, либо не обнаруживается, либо игнорируется как незначимое, дополняется сознательной организацией, способной сделать так, что самоорганизация оказывается всего лишь организуемой самоорганизацией, которой ничего не остается, как следовать за сознательной организацией, ее дополнять, к ней приспособливаться, ей служить. Получается, что сознательная организация теперь уже не момент всеобщей организации, к тому же служебного свойства, а особого рода суперорганизация, обладающая возможностью в чем-то заменить самоорганизацию (тот же знаменитый рынок), в чем-то дополнить ее, а в чем-то и «урезонить», взять под контроль, направить, одним словом — организовать. И коль скоро речь идет об общественной самоорганизации, или самоорганизации больших хозяйственно-экономических систем (макросистем), то рассматриваемая сознательная организация должна быть общественной, масштабной, достаточно разнообразной и довольно-таки сильной (властной), чтобы обеспечить управление самоуправляющимся сообществом самоуправляющихся субъектов, что как раз и говорит за «большинства», о которых шла речь выше. Выходит, что суперструктурная экономика больших параметров есть та самая управленческая структура, которая способна реализовать на практике организацию самоорганизации.

Согласимся, что здесь уже реализуется иное качество экономической организации, когда весь хозяйственно-экономический низ так или иначе «слушается» суперэкономического верха. А если учесть, что этот суперэкономический верх еще и центрирован, хотя и сложно, иногда без явного единого, тем более монолитного, центра, то можно себе представить всю качественную особость такой экономической организации, а соответственно — такой экономики.

Такая экономика в своих главных, основных, решающих потоках и «претензиях» прямо-таки выливается сверху и из центра, из суперструктуры, на хозяйственную

среду. Деньги, инвестиции, кредиты — все отсюда, но отсюда же и важнейшие оценки — главных цен, валютных курсов, ссудных процентов, отсюда же и контроль над определяющими хозяйственными потоками. А самое важное: там производятся судьбоносные решения, да не просто там, а именно там они только и могут производиться, ибо там информация, там интеллектуальная способность, там возможность реализации принятых решений, одним словом, там — власть. Да не просто власть, а власть над гигантскими пространствами, над сложнейшими структурами, над обширными целостностями, над целыми мирами, надо всей планетой.

Суперструктура, о которой идет речь, прямо-таки «крышует» хозяйственный мир, пронизанный экономикой, а экономика в целом выглядит вовсе не как всего лишь распростершаяся по хозяйственной поверхности масса, а как самая настоящая и вполне стройная пирамида, фундамент которой действительно в реальной хозяйственной сфере, а вот вершина — весьма далече от таковой, она уже там — вверху и в центре, в супермире. Но ничто не мешает этому супермиру «крышевать» весь хозяйственный мир, оживляя его экономически и экономически же извлекая для себя пользу. Вниз — большие экономические решения, часть в виде самых обыкновенных идеально-информационных фикций, вверх — реальный экономический эффект в виде реального же дохода, который можно по-интеллигентному назвать финансовой рентой, а лучше бы определить как самый обыкновенный откат.

Уверен, что нарисованная мною картина не произведет никакого впечатления на при-

верженцев что трудовой стоимости, что предельной полезности, что экономического либерализма, что рыночной экономики и т. п. интеллектуальных построений, т. е. всего того, что вроде бы говорит о реальности, но чего в самой реальности почему-то нет, никогда не было, да и попросту не может быть. Реальный экономический механизм совсем иной, — и чтобы его как-то понять, надо признать, что экономика — не само по себе хозяйство, не совокупность благ, не их производство, распределение и потребление, и т. д. и т. п., а всего лишь особого рода организация хозяйственной жизни, сводящаяся... (sic!) не к хозяйству как таковому, тем более в его материально-физической воплощенности, а к особому рода расчету, производимому людьми с помощью и в рамках идеального стоимостного механизма, не только в целом охватывающему реальное хозяйственное пространство, его как бы окутывающему, но и устроенному иерархически, т. е. функционирующему не только по горизонтали и по объему, но и по вертикали и по векторам, осуществляющим не одну лишь нижнюю расчетную власть, но непременно и расчетную власть верхнюю, а с учетом решающей роли верхних властных эшелонов реализующим самую настоящую «экономику сверху», а не «экономику снизу», когда вовсе не верх служит низу, как это все еще кажется либералам-рыночникам, а низ с упоением обслуживает верх — как это хорошо уже знают нынешние дирижисты-глобалисты.

Экономика — не столько хозяйство, сколько контроль над хозяйством, этим последним особым рода управление.